

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Э.С. Голубева
Брянск

«ВСТРЕЧИ С ЛИЗ» (Образ и прототип)

Многие персонажи Добычина соотносятся с реальными людьми, которые жили в реальном городе Брянске 1900-1920-х гг. Самая женственная героиня рассказа Добычина «Встречи с Лиз» имеет свой прототип – жену коллеги писателя Ольгу Пояркову. Многие черты их внешности, мысли и биографии действительно совпадают. Это же характерно и для других героинь рассказа – Фишкиной, Золотухиной. В связи с этим процитированные в эпиграфе к статье слова В.С. Бахтина об отсутствии конкретных лиц за персонажами рассказа представляются нам несправедливыми.

Ключевые слова: персонаж, прототип, Лиз Курицына, Елизавета Пояркова, Фишкина, Фрумкина, Брянск.

E.S. Golubeva
Bryansk

“ENCOUNTERS WITH LIZ” (The Character and Her Prototype)

Many of L. Dobychin’s characters refer to real people who lived in a real town of Bryansk of the 1900-1920s. The most feminine character from Dobychin’s short story “Encounters with Liz” had her prototype, the wife of the writer’s colleague, Olga Poyarkov. They in fact share many features in their looks, ideas and biography facts. The same can be applied to other characters in the short story, such as Fishkina, Zolotukhina. In this respect, epigraphic words by V. Bakhtin stating lack of prototypes to the characters do not seem quite true.

Keywords: character, prototype, Liz Kuritsyna, Elisaveta Poyarkova, Fishkina, Frumkina, Bryansk.

«Брянские исследователи <...> нашли бы немало «брянских» деталей 20-х годов. <...> Однако в рассказах за образами Ерыгина, Лиз Курицыной, Кукина, Фишкиной и всех остальных вряд ли стоят конкретные лица».

В.С. Бахтин.

Под игом добрых начальников:
Судьба и книги писателя Л. Добычина¹.

Текст первого опубликованного рассказа Л. Добычина «Встречи с Лиз» вряд ли приоткроет завесу над тайной прообраза Лиз Курицыной. Два года спустя это сделает сам автор в письме М.Слонимскому.

Оно приходится на время, когда, уволившись в конце 1925 года из Губстатбюро и побывав в Ленинграде, Леонид Иванович вернулся в Брянск. 4 февраля 1926 года, как следует из письма К. Чуковскому, он устроился в некий «отдел местного хозяйства» [Добычин, 1999, с. 261] на «временную работу» [Добычин, 1999, с. 263]. 25 февраля она «превратилась в бессрочную» (Добычин, 1999, 263). «Служба» называлась «Райуполтоп», что означало «Районный уполномоченный по топливу», и находилась по адресу: Завальская, 47 [ГАБО. Ф. Р-56. Оп.2. Л.13].

26 мая 1926 года Добычин расстался с «Райуполтопом» и вновь оказался в Губстатбюро. В декабре следующего года, когда в соседнем доме (№ 49) на общей территории, некогда принадлежавшей купцу Г.М. Добычину, уже проживала семья писателя, Завальскую переименовали «в Октябрьскую, а 49 в 47» [Добычин, 1999, с. 296]. Со временем утвердился общий номер домов: 47а и 47б [Голубева, 2005, с. 115].

Письма этого периода особенно пространны и «сообщают» кое-что о жизни города и самого Леонида Ивановича.

¹ Бахтин В.С. Под игом добрых начальников: Судьба и книги писателя Л. Добычина [Добычин, 1999, с. 30].

В пяти из них, написанных с конца января-начала февраля по 21 марта, возникает имя брянской любительницы «язвочной словесности» – Ольги Поярковой [Добычин, 1999, с. 280-281, 283, 285, 288]. Следует предположить, что она – библиотекарь. Книги от нее (по

крайней мере, в середине августа) попадают к Леониду Ивановичу через его сестер [Добычин, 1999, с. 283]. Как и «Цукерманша», Пояркова причислена писателем к тем, среди которых он «славится». Свидетельства налицо: «*выпросила <...> портрет с усами и бородой*»; «*сказала, что была бы очень польщена, если бы к ней зашел<...> я <...>*» [Добычин, 1999, с. 280]. Да и последний зафиксированный в корреспонденции визит Поярковой 21 марта к Добычину в «Райуполтоп» (после размолвки, вызванной «*очень грубым*» обращением с ней [Добычин, 1999, с. 283]), скорее всего, связан с появлением в Брянске второго номера «Новой России» с долгожданной «Сиделкой». Кому, как ни библиотекарше, знать об этом первой. (Первым, все же оказался сам автор. – Утром до работы он купил журнал на станции [Добычин, 1999, с. 287]).

Эта «библиотекарша», в отличие от Е.И. Цукерман, параллельно цитируемой в письмах, не задает вопросов: «Какие в Ленинграде лозунги» и «Кто считается Восходящей Звездой». Она высказывается сама. И эти «литературные беседы» становятся для Добычина источником скрытого или явного раздражения. В случае с М. Зощенко, к которому, как известно, Леонид Иванович относился сложно, восторги «*главной любительницы*» сатирика в Брянске (так отрекомендована Пояркова Слонимскому) вызывают ревнивые чувства «уездного сочинителя» к популярности ленинградского коллеги. Их выдают ремарки к тексту приглашения в гости, приведенному выше: «*...к ней зашел (даже!) я (на безрыбьи и рак рыба)*» <выделено мною. – Э.Г.> К другой информации: «

» [Добычин, 1999, с. 285], – комментарий нет. Однако неверно расставленные ударения (над первыми слогами французских имен) делают их очевидными. «*Неправильность речи, даже разговорной,* – вспоминала М.Н. Чуковская, – *болезненно коробили его...*» [Чуковская, 1996, с. 10]. Возникает вопрос, считал ли писатель свою поклонницу (как Кукин Лиз в рассказе) «*девушкой с образованием*»?

Однажды, как бы невзначай Добычин роняет: «*Ольга Пояркова – желтоволосая*» [Добычин, 1999, с. 283]. Не рыжая, русая или, скажем, блондинка, а именно желтоволосая – то есть того неестественного цвета, который природой не предусмотрен. Не подсказка ли это? Ведь именно Лиз – единственная из его героинь – предстает «с *желтой лентой в выкрашенных перекисью водорода волосах*» [Добычин, 1999, с. 59], как следует понимать, тоже желтых. В ту пору такой способ окраски был самым доступным.

И все же, кто она, Ольга Пояркова? Прежде всего, – жена Евгения Дмитриевича Пояркова, коллеги Добычина по службе в Губстатбюро (с 1923 по 1929 год). Впрочем, тень мужа за образом, вводимым в письма, не витает, отчего интерес Поярковой к Добычину может восприниматься и как женский. Штрихи характеристики этой «библиотекарши» в письмах в большей степени соотносятся с литературным образом, нежели с возможным прообразом.

Знакомство двух статистиков было продолжительным, ибо их жизненные пути неоднократно пересекались.

Обратимся к хронике жизни супругов Поярковых:

Поярков, Евгений Дмитриевич (род. **19.01 (1.02).1893**, в семье священника с. Фошня, Фошнянской вол. Брянского у., Орловской губ. (ныне Жуковского р-на, Брянской обл.) – ум. **25.10.1969**, Брянск).

1913. Окончил Орловскую духовную семинарию; поступил на Экономическое отделение Петербургского, с августа 1914 – Петроградского политехнического института им. Петра Великого.

1916-1918. Служащий Отдела минерального топлива при Петроградском городском управлении.

1918-1919, февр. «Школьный работник» села Фошни.

1919, февр.- 1923, июн. Служба в Красной Армии (санитар перевязочного отряда, учитель красноармейской школы, школьный инспектор и заведующий политпросветом 19-й стрелковой и 15-й кавалерийской дивизий). В составе 3-й конной армии Г.Гая, попавшей в 1920 г. в польский «котел», оказался в числе интернированных в Германию, откуда возвращен на родину.

1923, 15 июн.- 1929. Заведующий секцией промышленной статистики в Брянском Губстатбюро.

1929-1933. Работал в управлении стройкой БРЭС в Белых Берегах; после завершения строительства (1931) – в Брянском Энергокомбинате, созданном на основе БРЭС.

1933-1941, авг. Экономист, с ноября 1940 г. – начальник бюро экономического планирования Мехартзавода (позже «Дормаш», ныне «Арсенал»).

1941, авг. – 1945, нояб. В эвакуации с заводом в городе Усть-Катав Челябинской области.

1945, 13 дек. Возвратился в Брянск, продолжил работу на заводе: заместитель начальника производственно-планового, начальник планово-экономического отдела.

1946, 30 июн. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

1956, 13 дек. Вышел на пенсию.

1969. 25 окт. Умер в Брянске¹.

Почти ровесники (ЛД – моложе на год) оба поступили (ЛД – в 1911, ЕП – в 1913) на Экономическое отделение Петербургского политехнического института им. Петра Великого; оба не закончили его, вынужденные зарабатывать на жизнь в трудные военные и революционные годы. В 1918 г. оба оказались на Брянщине (ЛД в Брянске, ЕП – в с. Фошня Брянского уезда, где он родился и где жили его родители). С 1923 г. (после демобилизации ЕП из рядов Красной армии) и до 1934-го (года отъезда ЛД в Ленинград) оба служили в Брянском Губстатбюро, затем на «Мехартзаводе». Даже поиски работы на строительстве Брянской электростанции (БРЭС) в Белых Берегах предприняли одновременно. Важной их совместной работой стала подготовка к изданию сборника Брянского губернского статистического отдела «Промышленность Брянской губернии. Материалы по статистике промышленности и труда» (Брянск, 1928).

¹ Основные источники: Личный архив семьи Поярковых; ГАБО. Ф.85. Оп. спр. Д.92. Лл.129-129об.; Ф.85. Оп.1. Д.1493. Л.295; Ф.85. Оп.2. Д.26. Л.77; ЦГИА СПб. Ф.478. Оп.13. Д.93. Лл.91об.-92; Ф. 478. Оп.26. Д.99. Л. 14 об-15. Автор благодарит А.Ф. Белоусова за помощь в уточнении сведений об учебе Е.Д. Пояркова в Политехническом институте.

Ольга Семеновна Пояркова (урожденная Комягинская), в 1923 г., став женой Евгения Дмитриевича, переехала из Фошни в Брянск. В ту пору ей было 22 года, мужу – 30 лет.

Супруги О.С. и Е.Д. Поярковы. Фотография 1930-х гг.
(Хранится в семейном архиве Поярковых)

Пояркова, Ольга Семеновна (ур. Комягинская) (род. 11 (24).07. 1901 г. в с. Жирновец, Кромского у., Орловской губ. в семье сельского священника – ум. 09.04. 1986 г., Брянск).

1906. Переехала с семьей в село Фошню.

1918. Окончила Орловское епархиальное женское училище с 7-ым дополнительным педагогическим классом, дававшим право преподавания в начальной школе.

1918-1923, сент. Учительствовала в системе Брянского УОНО в деревне Старые Ковали и селе Фошня, Фошнянской вол., Брянского уезда.

1923-1941. Преподаватель младших классов в школах Брянска («Октябрьской революции», «Ш Интернационала», «Советской школе

№1» и др.); в разные годы – «групповод», библиотекарь, заместитель директора детского сада, заведующая начальной школы и т.д.

1928.11.08. Родилась дочь Валерия; в **1931.18.01.** – сын Николай.

1941-1944. В эвакуации работала учительницей в городе Усть-Катав Челябинской обл.

1944-1960 – учительница (с 1949 – завуч) начальной школы №3 города Брянска. Удостоена правительственных наград: медали «За победу на

Германией», ордена Трудового Красного Знамени (1949, 8 апр.), ордена Ленина (1952, 24 сент.) Была отличником Народного просвещения, заслуженным учителем РСФСР.

1960.16.09 – вышла на пенсию.

1986. 09.04 – умерла. Похоронена на Центральном кладбище Брянска в одной ограде с мужем и многочисленными родственниками¹.

Молодожены знали друг друга с детства. Их многое объединяло: родились в семьях сельских священнослужителей; ранние годы и отрочество провели в с. Фошне Брянского у. Орловской губ. (ныне Жуковского р-на, Брянской обл.), где закончили церковно-приходскую школу. В дальнейшем получили духовное образование в Орле: Евгений – в семинарии (окончил в 1913). Ольга – в епархиальном училище с 7-ым дополнительным классом (1918), дававшим право на педагогическую деятельность [ГАБО. Ф. 84. Оп.1. Д.646. Л.6]².

Время, предшествовавшее знакомству писателя с Ольгой Семеновной, включало два года ее учительства в деревне Старые Ковали и три – в селе Фошня Брянского уезда. Именно тогда проявились незаурядные энергия и целеустремленность выпускницы епархиального училища.

Это подтверждают автобиографии, написанные в разные годы и хранящиеся в личном архиве семьи Поярковых: «До 1918 г. школы в деревне <Старые Ковали – Э.Г.> не было, и в мою задачу входила ее организация <...> на пустом месте, так как кроме назначения на работу и 30 шт. тетрадей ВОЛЮНО в то время мне ничего не мог дать.

¹ Основные источники: Личный архив семьи Поярковых; ГАБО. Ф.84. Оп.1. Д. 646.

² Оригинал документа хранится также в семье Поярковых.

Вот так началось испытание моих организационно-хозяйственных и педагогических способностей <...> Начала я занятия с 50 учениками в трех группах во временном помещении. К началу же нового учебного года мне удалось добиться от Брянского ГУБОНО отпуска средств на переоборудование национализированного помещения под школу. С помощью, главным образом, местного Комбеда помещение для школы было относительно приспособлено и оборудовано. В этой школе я проработала два года с 1918 по 1920». В селе Фошне Ольга Семеновна учительствовала в школах I и II ступеней, которые соответствовали начальному и среднему этапам образования. «Одновременно в эти

годы (1918-1923), – читаем дальше, – вела и внешкольную культмассовую работу, участвовала в проведение различного рода общественно-политических кампаний, в с/х переписи, в организации библиотек, драмкружков, красных уголков». (В документах по переписи сельского населения Брянской губернии за авг.- дек. 1920 г. среди переписчиков находим имена сестер О.С. и Н.С.Комягинских, священника М.М.Синягина – позже мужа Нины Комягинской. Перепись проводил Брянский Губстатотдел, в котором в это время работал Л.И. Добычин) [ГАБО. Ф. 102. Оп. спр. Д.8. Лл.1об.-2, 8об.-9, 27об.-28].

В сентябре 1923 г., к диплому епархиального педкласса Ольги Поярковой, где кроме двух «хорошо», все остальные «отлично», присоединяется удостоверение о прохождении 2-х месячных курсов по переподготовке работников просвещения. В нем помимо специальных предметов, адаптированных к новым условиям, значатся «политэкономика, истмат, история революционного движения в России и на Западе, экономическая география и политика, электрификация Р.С.Ф.С.Р., конституция С.С.С.Р., кооперация, Р.К.С.М. и школа, религия и наука, организация и методы политпросветработы» [ГАБО. Ф. 84. Оп.1. Д. 646. Л.5].

Можно сказать, что работу в брянской «Советской школе им. Октябрьской революции», которая находилась по улице Советской, д. 5 (ныне – проспект Гагарина, здание не сохранилось) [ГАБО. Ф. 84. Оп.1. Д.646. Л.2], Ольга Семеновна начинает в полном осознании своей профессиональной подготовленности и уже накопленного опыта.

Какой была Ольга той поры? Прежде всего, очаровательной молодой женщиной (об этом свидетельствуют сохранившиеся фотографии более позднего периода). Епархиальное училище, приоткрыло ей – девочке из многодетной семьи сельского священника (8 сестер и брат) – мир литературы, музыки, познакомило с французским языком, знанием которого она, судя по всему, гордилась. По воспоминаниям родственников, хорошо пела, обладала феноменальной памятью. – Могла цитировать или пересказывать прочитанное в юности. Предпочтение отдавалось русской и французской литературе. (Любопытно, что первой книгой в послевоенной домашней библиотеке Поярковых стал роман Флобера «Мадам Бовари». Впрочем, сын иронично замечал, что Флоберу она все же предпочитала В. Гюго).

Из испытаний первых послереволюционных лет Ольга вынесла ощущение собственной значимости. Тогда ее социальное происхождение, равно как и диплом епархиального училища, еще не создавали проблем. Но уже в 1925 г. Губоно предупреждает Пояркову об увольнении, несомненно, связанном с ее социальным происхождением. Тем не менее (возможно, посредством ходатайств) прежнее место работы сохраняется за ней вплоть до 1927 г. Именно к этому периоду относятся письма ЛД о контактах с ОП. Как большинство коллег, она работала по совместительству, что подтверждают выписки из личных дел за 1927-1928 гг. Сведений за 1925-26 гг. не найдено. В какой из библиотек города работала молодая учительница, не известно. Библиотек в городе было много: при учреждениях, учебных заведениях, воинских частях и т.д. Судя по упоминаемым в ее беседе с писателем сочинениям Анатоля Франса и Анри де Ренье [Добычин, 1999, с. 269], это была библиотека, которая располагала возможностью приобретения новых изданий. К их числу можно отнести, например, библиотеку «Нарпита». Она находилась недалеко от мест работы и Поярковой, и Добычина.

Учитывая значение, которое писатель придавал перемещениям персонажей в городском пространстве, можно с уверенностью сказать, что «поход» Лиз в баню совпадал с привычным маршрутом Ольги Поярковой от места проживания до места следования: будь то школа, где она работала, или баня, которую посещала. Итак, *«Лиз Курицына свернула из улицы Германской революции в улицу Третьего*

интернационала» [Добычин, 1999, с. 56]. На последней (до революции – Московской, ныне – им. Калинина), ближе к Десне находилась знаменитая в Брянске «Арсенальная баня». Ею, по воспоминаниям сына Ольги Семеновны, семья пользовалась долгие годы. Улицей «Германской революции» автор обозначил круто спускающуюся от Троицкого подворья на Петровской горе к бывшей центральной магистрали города улицу Карла Либкнехта – одного из основателей Коммунистической партии Германии. (Сегодня это – улица Арсенальная.)

В 1923-1927 гг. адрес супругов Поярковых (он встречается в различных документах) – «ул. Фокина, 39 на Петровской горе» [ГАБО. Ф. 84. Оп.1. Д.646. Л.2, 3 об. и др.]. Переименование бывшей Петро-Павловской улицы произошло после смерти в 1919 г. первого председателя Брянского губисполкома Игната Фокина. (С 1966 г. это – проспект Ленина). В ту пору улица из-за отсутствия мостов,

разделялась глубокими, трудно преодолеваемыми оврагами. Часть ее – от Петро-Павловского монастыря до оврага Верхний Судок – находилась на Петровской горе, что и объясняет дополнение к адресу. Место это, включая соседствующую Покровскую гору, по количеству храмов можно было бы назвать Брянской Храмовой горой. Сложность переходов через овраги делало маршрут героини, обозначенный писателем, наиболее вероятным.

(В 1922-1923 гг. на Петровской горе в так называемой «Рабочей слободке», образовавшейся в результате передачи келий бывшего женского монастыря для проживания рабочих Мехартзавода, некоторое время обитали сестры Леонида Ивановича. Об этом свидетельствует анкета по учету и реквизиции музыкальных инструментов, заполненная Ольгой Добычиной [ГАБО. Ф.1596. Оп.2. Д.171. Л.306]. Не исключено, что контакты Ольги Поярковой с сестрами писателя складывались уже в это время.)

Фамилия Курицына появляется в рассказе всего два раза – в начале и в конце. В брянском же именовании она встречается часто. Есть даже с совпадающим инициалом имени. (Например, рассыльная Губземотдела начала 20-х годов Е.В. Курицына [ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 2170. Л.66 об.]). Однако ключ к образу – не в фамилии, а в имени героини древнееврейского происхождения. Елизавета в переводе

означает «почитающая Бога» [Электронный ресурс, URL: www.listname.ru>name_elizaveta.html и др.]. Союз же офранцузенного варианта имени «Лиз» и приземленной фамилии «Курицына» («курица – не птица») вызывает ассоциации с аналогичным соотношением личного и фамильного имени родовитой красавицы Элен Безуховой в «Войне и мире» Л. Толстого. В таком контексте, насыщенном выразительными нюансами характеристики («*шевеля на ходу плечами, высоко подняв голову, с победоносной улыбкой на лиловом от пудры лице*» [Добычин, 1999, с. 56]; «*размахивая под музыку руками, маршировала и вертела поясницей*» [Добычин, 1999, с. 58] и т.д.), – наиболее эротичная героиня Л. Добычина воспринимается как «*сниженный вариант «женщины-мечты*» [Шеховцова, 2009, с. 77].

И все же именно с нее автором «написан» самый живописный из добычинских «портретов»: «*Лиз, лиловая, с лиловым зонтиком, с желтой лентой в выкрашенных перекисью водорода волосах, смотрела*» [Добычин, 1999, с. 59].

Ассоциативно обозначившиеся строки «пастели» Саши Черного «*Лиловый лиф и желтый бант у бюста...*» [Черный, 1991, с.

27] к пошлости, о которой он пишет, отношения не имеют. Более того, «портрет» изыскан. Он воспринимается как реминисценция образа Одетты Сван из сцены ее прогулки (роман Марселя Пруста «Под сенью девушек в цвету») в сиреновом платье под сиреновым зонтиком, с волосами, окрашенными в белокурый тон [Шеховцова, 2009, с. 223]. Однако романтические тона г-жи Сван (сиреневый с белокурым) заменены интенсивным, даже драматичным сочетанием лилового и желтого – любимых цветов эпохи декаданса. Исследователи определяют их как цвета Лиз. Причем, лиловые не только платье и зонтик. Лилова сама героиня. Вспомним ее «*лиловое от пудры лицо*» в экспозиции образа. Фрагмент этой характеристики неожиданно возникает у Кукина, повстречавшего по дороге свою «лиловую» грезу. «*Запахло пудрой: на крыльце у святого Евпла толпилась свадьба – какое предзнаменование!*» [Добычин, 1999, с. 59]. Запах пудры, непривычный для церкви, физиологически связан у Кукина с Лиз. Но есть и другая линия, объединяющая героиню с этим храмом. – Туда несут отпевать утонувшую Лиз. Это ее храм, что подчеркнуто автором посредством желтого тона в связи с высказыванием Золотухиной: «Я

люблю эту церковь, – показала она на желтого Евпла с белыми столбами <... >» [Добычин, 1999, с. 60].

Храма святого Евпла не было в Брянске. «Добрый плаватель» (так переводится имя этого христианского мученика) не стал покровителем Лиз, «заплывшей за поворот» [Добычин, 1999, с. 60]. Но одна деталь уточняет, какую из многочисленных брянских церквей имел в виду писатель. На недавно опубликованной фотографии 1920 г. возникает облик ныне не существующей церкви в честь Рождества Христова с портиком и колоннами [Реброва, Соловьев, 2011, с. 176-177]. Она находилась на Рождественской горе чуть выше школы им. Октябрьской революции по улице Советской, где работала Ольга Пояркова.

Церковь Рождества Христова в Брянске. Первомай 1920 г.
(Хранится в ГАБО).

Вряд ли, наличие этого храма в судьбе героини призвано лишь расставить вешки географического «пространства» прототипа. Церковный мир – часть мира Лиз-Поярковой. Подтверждение этому – последующая жизнь Ольги Семеновны: служение профессии, забота о престарелых родителях, детях, внуках, сестрах, мужа которых были репрессированы: один – потому что был священнослужителем; другой – сыном городского; третий – член РКП(б) с дореволюционным стажем – потому что во время конфискации церковного имущества «вышел из доверия партии»¹. Похоронив на центральном кладбище Брянска умершего в 1934 году отца-священника, Ольга Семеновна поместила на памятнике (по-видимому, уже после войны) его фотографию в рясе с наперсным крестом на груди. Даже сегодня поступок дочери обращает на себя внимание.

Добычин, скорее всего, не был посвящен в перипетии жизни Поярковой тех лет. Хотя о ее социальном происхождении, несомненно, знал. Сколько анкет с бесконечными вопросами (в том

числе на эту тему) приходилось заполнять и Добычину, и Поярковым в те годы. Не случайно уже в экспозиции «Встреч ...» возникает знак церковного мира Лиз: *«С каждым шагом поворачивая туловище то направо, то налево, она размахивала, как кадилом, плетеным веревочным мешком, в который был втиснут голубой таз с желтыми цветами»* [Добычин, 1999, с. 56]. В новом контексте обретает новое звучание и уже определившаяся колористическая пара. Желтый (который может прочитываться как золотой) и лиловый – символические цвета Спасения и Крестных страданий, Воскресения и Смерти. В праздники, связанные с Христом, православные священники облачаются в золотые (радость, торжество) или фиолетово-лиловые (покаяние, скорбь) облачения. Примечательно, что в одной ограде с Христо-Рождественской церковью была церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Обе в форме креста. Причем, один из трех приделов Введенской был «в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня»² и. В любом из двух

¹ Записи бесед с Н.Е.Поярковым. Брянск. Февр.- март 2010 г.

² См.: Монахиня *Сергия (Ежикова)*. Разрушенные храмы и часовни Брянского благочиния // I Тихановские чтения: Материалы краеведческой научно-практической конференции. 14-15 ноября 2006 г. Брянск, 2007. С. 98.

храмов Христо-Рождественского прихода могли отпевать «Почитающую Бога» – Елизавету.

Еще один штрих характеристики Лиз восходит к прототипу. Реноме «*девушки с образованием*» [Добычин, 1999, с. 60] поддерживает ее письмо в газету, озаглавленное «Наши бани» [Добычин, 1999, с. 57]. Тема, вызванная неудобством и антисанитарией брянских бань, – вечная для жителей города. Подписывались псевдонимами, инициалами, фамилиями без инициалов. Искать среди них имя Поярковой не стоит. Скорее всего, письмо Лиз-Поярковой – остроумная выдумка Добычина. Но мы знаем, что, обладая живым и выразительным языком (свидетельство тому – приведенные выше биографические заметки Ольги Семеновны 20-х годов), она могла бы быть автором письма. И писала. Сохранилась заметка 50-х годов о питомцах учительницы и их судьбах¹.

И все же дело не в этом. «Публикация» Лиз как бы уравнивает ее с литературным визави – Фишкиной, между которыми слоняется Кукин. В газете, по сообщению Ривы Голубушкиной, есть «*статья Фишкиной “Не злоупотребляйте портретами вождей”*» [Добычин,

1999, с. 57]. Статья под таким названием действительно была опубликована в «Брянском рабочем» от 24 мая 1924 года. Только ее автор – И. Сенин. Однако у прообраза Фишкиной – Фриды Соломоновны Фрумкиной (в замужестве Соколовой) были другие статьи, тоже политического содержания, связанные с профсоюзной сферой. Две из них («Очередные задачи работников профсоюзов» и «Из практики культработы по Брянской губернии») появились в органе Брянского Губпрофсовета – журнале «Жизнь профсоюзов» в 1922 и 1923 годах². Причем, первая воспринимается как акт подготовки к назначению члена РКП(б) Фрумкиной–Соколовой (в делопроизводстве использовались как указанный вариант, так и каждая из фамилий в отдельности) («зав. культотделом Г<убернского>

¹ Брянский рабочий. – 1955. 4 янв. – С. 4.

² Ф.С. Очередные задачи работников профсоюзов // Жизнь профсоюзов (Брянск). – 1922. – №1. – С. 8-10; Ф.С. Из практики культработы по Брянской губернии // Жизнь профсоюзов. – 1923. – №5-6. – С.10-12.

С<вета> П<рофессиональных.> С<оюзов>» [ГАБО. Ф.731. Оп. спр. Д.36. Л.105]. Это произошло в марте 1922 г. 25 апреля 1925 г. ФС была введена в состав Президиума ГСПС и утверждена председателем Губотдела работников просвещения [ГАБО. Ф.731. Оп. спр. Д.43. Л.1]ⁱⁱⁱ. В январе же 1926 г. на заседании Президиума было заслушано «Личное заявление предгуботдела Работпрос т. Соколовой о том, что ей необходим переезд в Москву по семейным делам» [ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.605. Л.8 об]. В апреле, отчитавшись «по культурработе < в Работпросе? – Э.Г.> 6 съезду профсоюзов», Фрида Соломоновна отбыла в Москву [ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.755. Л.4]. Многие моменты ее «служебного движения» вызывают вопросы. Но не будем останавливаться на них.

Ф.С. Фрумкина-Соколова (вторая слева) среди организаторов Брянского Губпрофсовета. 20.02.1925 г. (Хранится в ГАБО).

Отъезд Фрумкиной, как и ее появление, перемещения в брянском ГСПС во многом объяснимы карьерным ростом мужа. Им, по косвенным данным, был известный деятель революционного движения на Брянщине Михаил Филиппович Соколов (1892-1938). В интересующие нас годы – ответственный секретарь Бежицкого уездного комитета РКП(б) Брянской губернии (1922-1923), Брянского губернского комитета РКП(б)- ВКП(б) (1923-1925). В 1926-1927 годах – слушатель курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) в Москве,

после окончания которых был направлен на работу секретарем Севастопольского горкома¹.

Добычин, который в эти годы служил в Губстатбюро при ГСПС, стал невольным свидетелем «эпохи Фрумкиной-Соколовой» и явно заинтересовался ее персоной. Не случайно он срифмовал фамилии руководительниц-евреек из своих рассказов Малкиной («Конопатчикова») и Фишкиной («Встречи...») с Фрумкиной. Причем, фамилия Фишкина несет важную смысловую характеристику. «Фишка» в одном из значений слова – «небольшая фигурка, передвигаемая по доске в настольной игре» [Ефремова, 2000, с. 907]. Это говорит о незначительности и несамостоятельности личности ее владелицы. Но есть и характерная личностная черта Фишкиной –

презрительность, которая присутствует в каждом ее появлении: «Стояла, глядясь в тучи, коротенькая, черная, прямая и презрительная» [Добычин, 1999, с. 57]; «Фишкина презрительно посмотрела направо и налево: – «Фу, сколько обывательщины!»» [Добычин, 1999, с. 58], «По улице презрительно поглядывая, черненькая, крепенькая, в короткой чесучовой юбке и голубой кофте с белыми полосками, шла Фишкина» [Добычин, 1999, с. 60]. В эпизоде с Малкиной слово «презрительная» отсутствует, но ощущение особливости ее положения ощутимо: «Звенел бубенчик: женотделка Малкина, поглядывая на прохожих, ехала в командировку» [Добычин, 1999, с. 73]. Свидетельств о пришедших в революцию представителях еврейской национальности много. Сошлемся на запись 1919-го г. в дневнике В.Г. Короленко: «Среди большевиков – много евреев и евреек. И черта их – крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает»².

Мы не знаем реальной биографии Фрумкиной и даже места ее рождения³ – (Добычин мог знать.) Не исключено, что это был Брянск или какой-либо из крупных населенных пунктов Мальцовского

¹ Соколов Михаил Филиппович [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org>. (дата обращения 10.12.2014)

² См.: [Негретов, 1990, с. 97].

³ В одной из анкет М.Ф.Соколова 1922 г. содержится сведение о семье, без указания имени супруги: «Женат. Жене 25 лет, сын 2 л. <...> Место проживания семьи в Людиново». ГАБО. Ф. П-1. Оп.1. Д.476. Л.1.

промышленного округа, где эта фамилия достаточно распространена. В Брянске Фрумкины – и до революции, и в годы НЭПа, о которых идет речь, были преимущественно торговцами. В рассказе «Савкина», написанном в 1924 г., в общей городской «массовке» обращает внимание «дуэт»: *«Гуляли чванные богачки Фрумкина и Фрадкина»* [Добычин, 1999, с. 64]. Характеристика «чванные» вновь рождает ощущение связи с образом Фишкиной, ибо «чванство» заключает в себе чувство превосходства: в данном случае благодаря богатству, в другом – благодаря положению и т.п. Не исключен намек на родство с Соколовой–Фрумкиной.

«Фирменный знак» Фишкиной (в рассказе она «пролетарски» представлена только фамилией), – это «сад Карла Маркса и Фридриха Энгельса» [Добычин, 1999, с. 59]. Дважды для свидания с «культуротдельшей» зазывает туда Кукина доверенная Фишкиной Рива Голубушкина. Место выбрано автором не случайно. В 1924 г., когда Добычин работает над своим рассказом, Фрумкина становится председателем правления «временного Бюро Межсоюзного

клуба им. К.Маркса» [ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.496. Лл. 13, 15, 17, 77]. При клубе (до революции – Общественном собрании) был сад, название которого определялось его владельцем. В 1920-е годы сад принадлежал Совету профессиональных союзов, отчего в рассказе он воспринимается как вотчина Фрумкиной. Постоянный аргумент Голубушкиной: *«она вас будет продвигать», «она вас продвинет»* [Добычин, 1999, с. 57, 59] соотносится с репликой посвященной в ситуацию Лиз: *«В Губсоюз принимают исключительно по протекции...»* [Добычин, 1999, с. 58].

Среди лиц, которым покровительствовала «зав. культотдела», вызывает интерес некая Адель Соломоновна Мармор. Она «секретарствовала» при нашей героине в Инструкторско-информационном отделе ГСПС. В декабре 1922 г. А.С. Мармор получила «семейную» рекомендацию в партию от Ф.С. Фрумкиной-Соколовой (партстаж с 1918 г.) и М.Ф.Соколова (партстаж с 1911 г.) [ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.654. Лл. 86-87]. Не исключено, что Адель Соломоновна могла быть и прообразом Ривы Голубушкиной. Однако это требует дополнительных доказательств.

Адрес места действия, связанного в рассказе с Фишкиной, на сей раз совпал с рабочим адресом писателя и был указан в конце

рукописи, которую Л. Добычин отослал К. Чуковскому в Ленинград. Получив 24 декабря 1924 г. ответ, благодарил: «Хорошо, что Вы выбросили «Брянск, Губпрофсовет», – не только ради Фишкиной<...>» [Добычин, 1999, с. 251]. (Все же не хотелось, чтобы эта героиня была узнаваема.) Однако через месяц, ознакомившись с публикацией, не смог сдержаться: «Знаете, чего мне больше всего жаль из пропущенного текста («Встречи с Лиз»), – про «никакого марксистского подхода». Половина Фишкиной с этим отскочила» [Добычин, 1999, с. 253]. По-видимому, даже в устах «друзья» Фишкиной эта формула оставалась характерной для самой Фрумкиной.

К сожалению, о прототипах других персонажей судить труднее. Кукин, несмотря на отчетливость его психологического портрета, скорее всего, придуман, как и коллизия с героинями. Носителей этой фамилии в Брянске было много. Какие-то сюжетно-образные штрихи (студенческие годы в Петербурге – Петрограде, привычка к черным «галстучкам», прическа «ежик» из светлых волос) могли быть позаимствованы и у Е.Д. Пояркова. Свидетельство тому – источники, в том числе фотографические. Но все это, как и служебные

контакты Евгения Дмитриевича с главной «культуртрегершей» Брянска, не дают достаточных оснований для его идентификации с героем рассказа.

Среди Золотухиных привлекает внимание бухгалтер Губфинотдела Лариса Ефимовна, чье дореволюционное прошлое соответствует образу дамы «в гитюровом воротнике, заколотом серебряной розой» [Добычин, 1999, с. 59]. В 1921 г. финотдел «мобилизовал» ее для работы по переписи населения в Статуправление, где в это время служил Добычин [ГАБО. Ф.102. Оп. спр. Д.7. Л. 338]. Год спустя фамилия Золотухиной возникает среди наследников умершего отца, дома которого (№№56 и 58 по улице Ш Интернационала), территориально связанные с событиями рассказа, были муниципализированы [ГАБО. Ф. 85. Оп.1. Д.524. Лл. 290, 294; Д.2170. Л.54]. Флигель первого из них «Постановлением комиссии при Губкоммуналделе от 13 июня 1922 г.» [ГАБО. Ф.85. Оп.1. Д.524. Л.294] был оставлен Ларисе Ефимовне для проживания. Так что основания для воспоминаний о жизни бывлой (Петербург, «Моды де-

Ноткиной») в сочетании с надеждами на «перемену режима» и необходимостью вписываться в новый быт («Идемте, идемте <...> Долой Румынию») у нее были.

Тему «образ-прототип» на материале «Встреч с Лиз» можно было бы продолжить. В том числе и в связи с Брянском как прообразом города из этого рассказа. Его многочисленные сады, в том числе яблоневые, известные еще с XVIII века, задавали тему «райского сада» и моченых плодов из него, сцену эротических грез героя... Где-то в переулке рядом с домом Кукина располагался «штрафной батальон» – образ значимый в структуре рассказа. По улицам города, в частности Советской (свидетельство тому – фотография с церковью Рождества Христова), пролегали маршруты демонстрантов. С нагорной части они спускались к главной улице – III Интернационала с собором на центральной площади...

* * *

Нельзя не согласиться с мнением Г.В. Петровой в связи с ее исследованием сюжетной модели «Встречи с Лиз»: «Здесь живут (именно так, что показательно, относился к своим персонажам сам Добычин) реальные люди, вполне определенные нравственно-психологически, со своим социальным статусом и живым

эмпирическим опытом. Таковы и главные герои рассказа «Встречи с Лиз» – Лиз Курицына, Жорж Кукин, его мать, Рива Голубушкина, Фишкина, Золотухина и др.» [Петрова, 2001, с. 87]. Отсюда полшага до наличия прототипов или характерных особенностей тех или иных людей из окружающей писателя среды, что убедительно подтверждено работами А.Ф. Белоусова по материалам романа «Город Эн».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голубева, Э.С. Писатель Леонид Добычин и Брянск / Э.С. Голубева. – Брянск: Автограф, 2005. – 134 с.

Добычин, Л.И. Полное собрание сочинений и писем / Сост., предисл., коммент. В.С. Бахтина / Л.И. Добычин. – СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1999. – 544 с.

Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1536 с.

Негретов, П.И. В.Г.Короленко. Летопись жизни и творчества: 1917-1921 / П.И. Негретов. – М.: Книга, 1990. – 291 с.

Петрова, Г.В. Принцип «антисюжета» в поэтике рассказа Л. Добычина «Встречи с Лиз» / Г.В. Петрова // Добычинский сборник – 4. – Даугавпилс, 2001. – С. 84–90.

Писатель Леонид Добычин. Воспоминания. Статьи. Письма / Сост., предисл., коммент. В.С. Бахтина. – СПб.: «Журнал “Звезда”». – 1996. – 304 с.

Реброва, Н., Соловьев, Ю. Старый город. Новый Брянск; Очерки о событиях тысячелетней истории и современном развитии города Брянска / Н. Реброва, Ю. Соловьев. – Брянск: Город32, 2011. – 320 с.

Черный, Саша. Стихотворения / Саша Черный. – М.: Художественная литература, 1991. – 414 с.

Шеховцова, Т.А. Проза Добычина. Маргиналии русского модернизма / Т.А. Шеховцова. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2009. – 312 с.

АРХИВЫ

Личный архив семьи Поярковых.

Государственный архив Брянской области (в дальнейшем – ГАБО).

ГАБО. Ф.84. Оп.1. Д.646.

ГАБО. Ф.85. Оп.1. Д.524.

ГАБО. Ф.85. Оп.1. Д.1493.

ГАБО. Ф.85. Оп.1. Д.2170.

ГАБО. Ф.85. Оп.2. Д.26.

ГАБО. Ф.85. Оп. спр. Д.92.

ГАБО. Ф.102. Оп. спр. Д.7.

ГАБО. Ф.102. Оп. спр. Д.8.

ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.496.

ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.605.

ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.755.

ГАБО. Ф.731. Оп. спр. Д.36.

ГАБО. Ф.731. Оп. спр. Д.43.

ГАБО. Ф.1596. Оп.2. Д.171.

ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.476.

ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.654.

ГАБО. Ф.Р-56. Оп.2.

Центральный государственный архив С.-Петербурга (в дальнейшем – ЦГИА СПб)

ЦГИА СПб. Ф.478. Оп.13. Д.93.

ЦГИА СПб. Ф.478. Оп.26. Д.99.